

Ройтивъ шыбъ *).

I.

ловывъ Мыкыта Рыло славного „лыбака“ **) Ройта пры свой „дучци“, ***) якъ кравъ кыпячку. Вхопывъ у жыласти крипки руки худу людуну за горлянку, держыть мовъ клищами.

— Прецинь разъ попавсь, жыдуню солоденькый!—каже Мыкыта,—викъ потямышъ мою десныцю!... Чымало накрався моеи пращи?... га?... Годочокъ цилый, бигме, годочокъ чыгаю на тебе, помы не зустрився...

Говорыть Мыкыта свое, а жыдъ вертыться въ рукахъ, вайкотыть, жыбонуть—страхъ!

— А теперь а-а-а... спіймавъ, якъ Богъ святыи на неби, що спіймавъ багрія-кучынира!—говорывъ Мыкыта Рыло й душывъ що-разъ прыкрійше.—Маешъ за мои безсонни ночи!... Маешъ за мою грызоту!... Маешъ за кыпячку!... Маешъ, маешъ, но... за все маешъ!

За кожнымъ словомъ „маешъ“ Мыкыта душывъ Ройта такъ довго, ажъ сей переставъ вайкотиты, завмеръ на-правду.

— Зле,—подумавъ Рыло,—отъ готова напасть, криминаль такъ заразы. Дрибку пучкамы пошолопавъ на жарть, навить не можна назваты се шолопаннямъ... иги!.. Ну дывиться, люде добри, ну дывиться!... Чы жъ мала бъ огыда таку прудку смерть маты? Та хиба вже не було бы... Господы, будь пры мени!.. Встань,

*) Шыбъ—рудокопна яма, шахта.

**) Лыбакъ—бидный жыдъ, що збирае кинськымъ хвостомъ нафту по ровахъ та калюжахъ.

***) Глумлыве назвыще рудокопной ямы.

Мордку, встань!—почавъ уже просыты Рыло,—я бильше й пальцемъ тебе не рушу, будешъ бачыты—не рушу!

Мардохей Ройтъ лежавъ у борозни, не рушався.

— Встань, Скаріото, встань! Дистанешъ видъ мене нынишню кыпячку зъ моихъ дучокъ!... Будешъ маты найменше сорокъ кыблिवъ, *) тилькы встань, не будь дытною!

Мардохей Ройтъ незамитно здрыгнувся.

— Ады! ады! Антыпкивъ сынъ ще не въ ади... може дастся упросыты й виджые кучынирський начальныкъ!—прыговорювавъ Рыло,—спробую по доброму, може зъ баюрыща вылизу... Якъ встанешъ, Мордку, дамъ тобі заразы закипъ **) на „Новимъ Свити“... будешъ копаты самъ яму. Бида не вчепытыся до тебе,—чы хочу повисты—твій братъ позавыдуе тобі, яку дистанешъ „матку“ зъ воскомъ ***)!...

Вставъ Мардохей Ройтъ, пообтыравъ пасоку зъ рота,—якъ не той самъ: звеселивъ, зрадывъ.

— Але не скасуете свого слова? Вы мени дасте закипъ на „Новимъ Свити“, не правда?

— А якъ бы я не схотивъ даты, що мени зробышъ?

— Я заразы кладуся, якъ забытый, а якъ прыйдуть лыбаки, повимъ, що то вы мене справылы...

Мыкыта зъ погордою глядивъ на злодія, бачывъ, що тутъ нема чого зачынаты зъ проводыремъ кучынирськымъ: або пхнуты въ яму, щобъ за нымъ тилькы заклеотило, або даты видчипного, полу втынаты и втикаты видъ нього. Махнувъ Мыкыта байдуже рукою й сказавъ:

— Мара беры!... Дистанешъ и закипъ, тилькы не робы збыткивъ и не засыпай землею мою кошару ****).

— Можете буты певни, що жаденъ не понесе пидъ вашу кошару въ ночи земли; а якъ буде потреба, зъ вашихъ ямъ заберу насыпъ до-чыста, ништо не буде знаты, де дився.

— Не потребую. Я беру землю зъ своеи кошары на свій ґрунтъ, збыткивъ не хочу никому робыты.

---

*) Бляшане видро.

**) Шматокъ ґрунту пидъ рудокопну яму.

***) Матка воскова—яма, що въ ій вискъ земный (озокерытъ) самъ иде з-пидсподу вгору й наповняе яму до верху.

****) Кошара—шопа, повитка.

Того самого дня пысавъ Фокъ, славна и преучена голова въ тій околицы, „dobrowolną ugodę“ мижъ Мыкытою Рыломъ зъ одной стороны, а Мардохеемъ Ройтомъ „геретыкомъ“ зъ друго-быцькыхъ Ланивъ, зъ другой стороны. Двадцять свидкивъ знакомъ хреста святого пидзначылы свсе им'я на тимъ документи, а громадську печать вытыснувъ вйть сумъ разомъ за-дурно, бо зъ Ройтомъ жартивъ не було. Впрочемъ рука руку мыла: знавъ Ройтови грихы вйть Ныколай,—знавъ вйтови грихы Мардохей Ройтъ...

II.

Покынувъ Ройтъ свою ватагу „Гевре Грандъ“ пидъ проводомъ молодшого брата Люзера Ройта, а самъ почавъ копаты яму на свою руку. Кучынирська ватага доставляла щоденно свижою двоногою сылы робучою; кого спймала, хотивъ, чы не хотивъ—иты мусивъ, колы хотивъ дальше истнуваты въ свой пытомій Калифорніи. Въ ночи выкопану землю десь невыдымо кучыниры розносылы по чужыхъ кошарахъ и рано було знсвъ чысто, копалы дальше.

— Скильки ты, Ройте, давъ Рылови за закипъ?—пыталы сусиды, въ котрыхъ не разъ кравъ кыпячку.

— Скильки я давъ... скильки я давъ?—повторявъ глумльво Ройтъ,—вси гроши, колы хочешъ знаты!

Дійсно у Ройта не було ніякихъ грошей. Робывъ бляшкы то по десять, то по двадцять крейцагивъ и тымы значкамы выплачувавъ робитныкамъ, а робитныкы йшлы зъ такымы „гришмы“ на „кантыну“ до нового ватажника „Гевры Грандъ“ и тамъ диставалы „колена (колочену) фасолька, хлибъ парове и маслянка дешева“. Та й якый то хлибъ бувъ—записниый або згиркый; яка та квасоля зипсована й маслянка, що ажъ въ ній шыпотило!.. Найголоднійшый псыще не доторкнувся бъ до такыхъ марципанивъ...

Але якъ сказано, хто разъ попався въ руки ватази „Гевре Грандъ“, той мусивъ якъ за повыннисть видробыты Ройтови одынъ—два дни и дистававъ за се—хотивъ чы не хотивъ—заплату бляшанымы значкамы, котри можна було проминяты у грубои Енты, за „колена фасолька и за дешева маслянка“.

— Беры, хаме, дванадцять шистокъ бляшкамы!—говорывъ Ройтъ робитныкови.—Груба Ента прыйме борше, нижъ правдыви... Въ неи всего дистанешъ, чога твоя душа забажает!..

Такимъ способомъ докопався Ройтъ ажъ до глыбыны тридцаты п'яты сажнивъ, натрапивъ на каминь—а ни рушъ дальше!—а тутъ и заморока бѣе, найтврдша голова не въ сыли выдержаты бильше, якъ дви годыны, а млынокъ хочъ фурделеть раз-у-разъ, та ничего не помагае.

— Сотку заразы дамъ тому, хто розсадыть динамитомъ каминь на споди!—каже разъ Ройтъ.

Нащувльв Гулай Федько вуха, выслухавъ и повидае:

— Дайте намъ на руку сотку заразы, але не бляшками,—такъ полizeмо зъ кумомъ Иваномъ Заразою розстрилюваты.

— На, маешъ сотку, якъ лидъ гладку!—мовывъ Ройтъ и давъ обомъ выказъ на стогульденовый льосъ*).

Оглянувъ Гулай нибы ученымъ окомъ, пизнавъ нумеръ 100 й каже до кума Заразы:

— Добра сотка, правдыва... Я нумеръ „сто“ пизнаю и смеркомъ.

Злакомылься бидни темни хлиборобы на таку суму, сховалы папирь, пишлы до ямы, стали довбаты въ камени диру, щобъ можна вложыты динамитовой патронъ и розсадыты на кусни. Довбають, сверлять каминну опоку**) по свому, а тутъ якъ гукне обомъ въ очи: бухъ!—и безъ динамитового патрона скала розсадылася пидземною сылю. „Матка“ воскова воскресла: надуло воску повнисиньку яму на тридцять п'яты сажнивъ,—обыва хлоппы осталыся на споди разомъ зъ льосовымъ выказомъ на стогульденивъ.

П'ять мисяцивъ бралы та й бралы вискъ зъ ямы раз-у-разъ у день и въ ночи, закымъ добрались до покійныкивъ Гулая й Заразы, котри полышылы кильканадцятеро дитей голыхъ, голодныхъ, жинкы безъ сорочокъ и чотырьохъ беззубыхъ и немичныхъ дидивъ, але за те зробылы Ройта Мардохея въ одній хвыли миллионеромъ.

Выбравъ Ройтъ скарбы зъ святои землицы, купывъ въ стрыйщыни красный маетокъ, ставъ паномъ-дидычемъ та й въ додатокъ польськымъ патриотомъ, а людямъ „на незабудъ“ лышывъ ненакрытый и необставленный шыбъ. Не одынъ, повертаючы

---

*) Цинный папирь, якъ акція то-шо; льосовой выказъ—роспыска на на цинни паперы.

**) М'якый каминь, каминна скеля.

въ ночи по тяжкимъ труди зъ кошары, знаходывъ у ній вичный спочынокъ, пропадавъ у незмиреній глыбны безъ висты.

III.

Упала безрога*) Даныла Пачкы въ Ройтивъ шыбъ та й тилькы мавъ пожытку; а сытна була штука: шистьдесятъ уже купци давалы, а винъ хотивъ висимдесятъ и п'ять. Пропала безрога въ Ройтовій ями,—ничого й не казавъ Пачка никому, щобъ ризныкы-купци не сміялись.

Ото въ тимъ своимъ клопоти пишовъ Даныло Пачка—винъ бувъ народнымъ учителемъ—до „комуны“, жалуеться, що пидъ його викнамы, чотыри крокы видъ школы—Ройтивъ шыбъ ненакрытый, необставлений, до ямы падають въ ночи люде, а въ день худоба и звидты вже не вылазять.

Нихто не слухае Даныла Пачкы: сміються, кепкують.

— Мы вамъ позволяемо засыпаты,—каже „панъ презесь“,—нихто вамъ слова за се не скаже—моя голова въ тимъ, на мене спуститься!

— Така рада може чоловика гниваты,—видповидае Пачка.—Для засыпання такой безодни треба тысячи рукъ кучынирськихъ зъ михамы, килька сотокъ, а у мене того нема, а диты бигають зъ школы там-туды,—не тяжко о клопите...

— Самы кажете, що треба рукъ и грошей, а въ насъ такожъ нема на се капыталивъ—засыпуваты чысь ямы. А втимъ вы можете позваты Ройта до староства, до суду, а власти прыневолять його до того, що засыпле.

— Якъ то? вы мени кажете выступаты проты того, котрый на одно слово мае кильканадцять тысячъ голодныхъ ротивъ на свои послугы и може мене де-небудь до закопу кынуты? Вы, добродію, чей знаете, що у мене жинка, диты дрибни, родына чысленна, а капиталивъ ніякыхъ!...

Зареготався „панъ презесь комунальный“, а секретарь и други пысари йому завтуровалы.

— А вы намъ кажете зъ Ройтомъ зачипатыся?—спытавъ презесь Пачкы.—Адже жъ и мы не меньшъ залежни видъ його прымых, нижъ вы. Моя рада для васъ: сыдять тихо, не рыпайтеся, не выкликайте вовка зъ лиса! Може колысь въ тую яму упаде такый, що буде бильшъ коштуваты, а нижъ ваша безрога й корова Малыцького,—

---

*) Безрога—свыня.

то й засыплеться. А такъ, що зроблю? Обставлю въ день паты-
камы, а въ ночи повытягають на топльво...

Здывуався Даныло Пачка на таку сповидь презесивську: на-
вить оти, що таку велику сылу малы въ Галыцькій Калифорнії,
третили передъ Ройтомъ, признавались явно до своей бессиль-
ности супроты могучости й воли Мардохея Ройта. Отъ же по-
становывъ, яко 'мога, самъ сторожыты коло ямы, остерегаты
людей передъ немывучою смертю—а вже бильшь никола не йты
жалуватысь на самого Ройта.

IV.

Вернувся разъ учитель Пачка по полудни до-дому, хоче по-
могты жинци шури выгнаты зъ кимнаты и воду по зльвнимъ
дощи вычерпаты зъ неи, якъ несподиванно цилый димъ затрясся,
а пидъ землею заклекотило, наче сто патронивъ динамитовыхъ
наразъ выстрилыло. Дывыться Пачка кризь викно на Ройтову
яму,—зле! Замитывъ, що земля докола ямы на самій стежци
пидъ викнамы, кудю люде переходылы, закроилася, а отвирь, оче-
выдячкы, побильшався.

— Ныни мабутъ не будемо спаты въ хати,—говорыть Даны-
ло жинци,—Ройтова яма дистала прымхы, готова ще й цилый
димъ проковтнуты.

— Закымъ ты прыйшовъ, то щось тры разы такъ пидъ зем-
лею загудило,—мовыть жинка.

И зновъ потрясло цилымъ домомъ, жинка й диты завере-
щалы, страшный пидземный гукъ, хочъ тревавъ недовго, страшно
наполошывъ сымъ разомъ бидну родыну Пачкы.

Занисъ Пачка свои диты до сусиднього шынку, а вертаю-
чысь побачывъ, що на мисци, де була стежка, зробылася безодня
зъ Ройтовой ямы. Завидомывъ власть комунальну й гирнычу,
щобъ дали на ничъ сторожу, котра бъ остерегала проходячыхъ
людей передъ небезпечнистю смерты.

Обицялы послаты сторожу.

Яма тымъ часомъ розсувалася що-разъ бильше. У-вечери
замитывъ Даныло, що половина його дому стоить надъ безоднею,
перехидъ людымъ по-пидъ викна бувъ перетяты: не могли ди-
статыся ни тїи туды, ни тамти сюды.

Вже й смерклося, дощъ хляпае, а сторожа все ще не пры-
ходыла.

Даныло Пачка стоить на дощи—сторожить, остерегае прохожихъ. Тилькы почуе здалека людски крокы, крычыть:

— Не йдять туды! вьрнись! тутъ яма запалася, безодня пидъ викнамы!

Ямари, що знали сердечнисть Даныла Пачкы, дякувалы йому й вьрталыся.

Ажъ надійшы два ямари п'яни. Идуть найбильшою яругою, бовтають ногамы, спивають якоись жовнярськой, а що-хвыля стають, цилуютьсѧ, матиркують соби зъ велькой любовы й щыросты.

— Брате,—говорывъ одынъ,—нехай не называюся Мыкытоу Рыломъ, якъ ныни Ройтового барышивныка не обилле кава червона!... Слухай, я теперь на своимъ стоу, знаешъ, на своимъ!.. Тутъ десь яма, котру я злодѧви Ройтови давъ за-дурно...

— Тыхо, тыхо, бо намъ не выплатыть за шыхту! *)—остерегае на потемкахъ другый.

— Що-о-о?... я боюся може Ройта, що за мою працю пануе, а мене на биду прызвивъ зъ тымъ другимъ злодѧемъ Фоктомъ?! Прыдушывъ я бувъ уже разъ Ройта, але винъ не мыне моихъ рукъ!...

— Тыхо! хтось стоить, пидслухуе!..

— Стрымайтесѧ, люде!—кльче Даныло,—тутъ яма засунулася, не йдять дали!

— А дывы! то Фокта голосъ, того драба, що пысавъ контрактъ Ройтови, того Фокта, що збавывъ мене всього,—закрычавъ п'яный Мыкыта Рыло до своего товариша.—Бый злодѧ Фокта! бый, що ся влизе! за мою працю!...

И на сердегу Даныла Пачку посыпалыся кулакы за покутного пысарѧ Фокта,—винъ упавъ безъ пам'ѧты, закровавлений, на землю.

Выйшла жинка, заволикла Даныла напив-мертвого до дитей, а ворохобныкы, спиваючы, полетилы вь безодню... тилькы за нымы зашумило!...

До першой годыны по пивночи йшлы люде, якъ звычайно, стежкою по-пидъ школу, але вже не було другого Даныла Пачкы, щобъ ихъ остерегавъ передъ безоднею... Скилькы ихъ той ночи за Мыкытоу Рыломъ и його товаришемъ за п'ять годынъ попадало вь яму—Богу йедыному видно!

---

*) Шыхта—8—12-годынний часъ роботы пидъ землею.

О другій годины по пивночи з'явилася инспекційна поліція и знайшла все— въ порядку.

Скоро свить, зачорнилися кучыниры. Мовъ гайвороння стали зносыты лупокъ, *) каминня зъ сусиднихъ кошаръ, стали засыпаты зъ велькою поквапнистю Ройтову яму.

Въ тры недили пизнійше стоявъ на тимъ мисци шынокъ— „кантына“ грубои Енты. Музыка грала, народъ гулявъ, весельвся, не знаючы про те, що скаче на могыли своихъ бративъ и сестеръ, котри несподиванно знайшлы свою смерть и вызволылыся видъ суеты жытейської,—не знаючы й про те, що й той Мыкыта Рыло, котрого росшукували по цилій Галыцькій Калифорніи, спочывавъ на сто килькадесять метривъ пидъ ихъ ногами...

Отъ и Ройтивъ шыбъ!...

---

*) Лупокъ—шось нибы скеля.